

А.В.Яркеев, Д.В.Попов

БИОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: PRO ET CONTRA

Алексей Владимирович Яркеев — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург). Для связи с автором: alex_yarkeev@mail.ru.

Дмитрий Владимирович Попов — кандидат философских наук, начальник кафедры философии и политологии Омской академии МВД России. Для связи с автором: DmitriVPopov@mail.ru.

Аннотация. Утверждение биополитической парадигмы государственного управления, видящего свою основную задачу в реализации амбициозных социально-экономических и военно-политических проектов в тесной связи с контролем над индивидами и даже заботой об их жизнедеятельности, сформировало принципиально новый тип общественного договора, ставящего в обоюдную зависимость власть и опекаемое ею население. Баланс интересов нашел выражение в форме социального государства, олицетворяющего позитивную сторону биополитического управления и обеспечивающего населению многочисленные выгоды, сопряженные с допуском к участию в экономической и политической жизни.

На основе анализа разворачивающихся в последние годы процессов авторы приходят к заключению, что достигнутый в ходе «большой биополитической игры» консенсус не является незыблемым. Непреднамеренным долгосрочным последствием длительного пути по инклюзии населения в экономику и политику в интересах власти стало прогрессирующее падение продуктивности для власти инвестиций в население в рамках сложившегося status quo. Эффективность таких инвестиций близка к исчерпанию. Нарастающие требования населения, ждущего от власти все большей заботы о себе, отражают тенденцию к потребительской революции снизу. Однако эти требования могут оказаться чрезмерными для биовласти, которая способна неожиданно пойти на свертывание затратного курса, не приносящего былых выгод, что формирует тенденцию к контрреволюции сверху. В этих условиях возможна регрессия власти к формам управления, отказывающим населению в ставших привычными для него жизненных стандартах.

Ключевые слова: биовласть, биополитика, революция, контрреволюция, население, государство, насилие

**Рождение
биовласти
как революция**

Биополитика зародилась в Западной Европе в XVIII—XIX вв., отмеченных стремительным ростом научных знаний и технических изобретений, урбанизацией, индустриализацией, формированием массового общества, масштабным вовлечением населения в экономические процессы, и во многом представляет собой закономерное следствие интегративных процессов в регионе. Одной из важнейших предпосылок ее рождения явилась Вестфальская система, задавшая рамки мирового порядка на основе признания статуса и границ европейских государств¹. За рукотворным Вестфальским миром незримо лежала идея баланса сил, привнесшая динамику в международные отношения, внимательное отслеживание которой стало важнейшей задачей правительств. Осознав, что ввиду непрерывного изменения расстановки сил на международной арене, несмотря на наличие наднациональной системы сдержек и противовесов, гарантий безопасности нет и не будет, правительства были поставлены перед необходимостью рассчитывать на собственные ресурсы. Все это вызвало к жизни новую модель государственного управленчества (*gouvernementalité*)² и придало импульс стремительному развитию национальных государств, вытеснивших города-империи и города-государства, наднациональные религиозные организации, негосударственные неполитические союзы как рудименты прошлого³.

¹ Фуко 2010: 19—20.

² Фуко 2011: 161.

³ Тилли 2009: 26—27, 51—52.

Именно к этому периоду западноевропейской истории относится появление революции в описанном Ханной Арендт ее понимании, а именно как социального движения, обусловленного биологической необходимостью поддерживать непрерывно протекающий и не подчиненный воле процесс жизнедеятельности человеческого организма⁴. Будучи перенесено в политическую сферу из астрономии, где оно характеризовало вечное вращение небесных тел, слово «революция» стало обозначением динамики циклически возобновляющихся телесных потребностей людей. Социальный вопрос в форме массовой бедности «начал играть революционную роль только тогда (причем не раньше Нового времени), когда были поставлены под сомнение следующие соображения: будто бы бедность принадлежит к числу неперменных условий существования человека на земле; будто различия между теми немногими, кто освободил себя от оков бедности благодаря обстоятельствам, силе или обману, и большинством, вынужденным трудиться в беспросветной нужде, являются неотвратимыми и вечными»⁵. Выход на политическую сцену в качестве главного действующего лица «человека нужды» — одна из отправных точек превращения политики в биополитику. Революционное освобождение фактически предъявило себя в виде свободного осуществления естественных процессов, обеспечение которых посредством заботы о населении легло на плечи государства.

⁴ Арендт 2011: 75.

⁵ Там же: 20—21.

Понимая под биополитикой способ, каким начиная с XVIII в. пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими индивидам, в совокупности составляющим население, Мишель Фуко отмечает, что

принцип внешнего ограничения государственных интересов, который конституировало право, в XVIII в. сменился принципом внутреннего ограничения в форме экономии. Политическая экономия несет в себе требование самоограничения правительственных интересов, основанное на знании о естественном ходе событий. Свою цель политическая экономия видит в обогащении государства, подразумевая под этим прирост населения, с одной стороны, и удовлетворение потребностей — с другой. Именно новую рациональность управления, предполагающую нарастающее самоограничение в зависимости от природы явлений, с которыми она имеет дело, и именуют либерализмом, который, по мнению Фуко, «нужно рассматривать как общие рамки биополитики»⁶. «Если копнуть немного глубже, докопаться до сути вещей, — поясняет он, — вы... увидите, что то, что характеризует новое искусство управлять, о котором я говорил, окажется скорее натурализмом, нежели либерализмом, поскольку та свобода, о которой говорят физиократы, Адам Смит и др., — это в гораздо большей степени спонтанность, присущая экономическим процессам внутренняя механика, нежели юридическая свобода, признаваемая как таковая за индивидами. <...> Таким образом, в середине XVIII в. появляется скорее натурализм, чем либерализм. Однако я полагаю тем не менее, что можно использовать слово „либерализм“, поскольку в центре этой практики или проблем, поставленных этой практикой, оказывается свобода»⁷. Понятие «население» (population) вошло в широкий обиход ровно тогда, когда народ начал рассматриваться с точки зрения включенности его естественных характеристик и происходящих в нем процессов в политические стратегии государственной власти. Тесная связь государственного интереса с вопросами биологической жизни населения потребовала, в свою очередь, революционных преобразований в политической практике. Биополитика стала ответом на вызовы, обусловленные «неестественным ростом естественного»⁸ в политике.

Принято считать, что концепция биополитики, схватывающая новую модальность правительственных действий, впервые была сформулирована Фуко, однако это в целом справедливое мнение нуждается в уточнении. Прежде всего стоит вспомнить историко-понятийный контекст появления термина «биополитика», а именно тенденцию к органицистскому толкованию государства, отчетливо наметившуюся в 20-е годы XX в., особенно в Германии⁹. Сам термин был введен в оборот Рудольфом Челленом¹⁰, больше известным в качестве создателя термина «геополитика». Уже в работе «Государство как форма жизни» (1916) шведский исследователь рассматривал геополитический императив в тесной связи с представлением о государстве как органическом теле, движимом витальными потребностями¹¹. Таким образом, использование Челленом понятий «биополитика» и «геополитика» в рамках одного подхода выглядит более чем закономерным, и, несмотря на общеизвестность геополитики и гораздо меньшую славу биополитики, скорее первая оказывается тенью второй, нежели наоборот.

⁶ Фуко 2010: 38.

⁷ Там же: 84—85.

⁸ Арндт 2017: 62.

⁹ Esposito 2008: 16—17.

¹⁰ Kjellen 1920: 93—94.

¹¹ Kjellen 2018.

¹² О биополитических смыслах концепции Арендт см. Duarte 2006.

¹³ Известно, что, прежде чем приступить к написанию статьи «Преодоление метафизики», в которой знаменитый тезис о забвении бытия раскрывается через утверждение о превращении человека в «трудящееся живое существо», Хайдеггер внимательно ознакомился с текстом Юнгера «Рабочий: Господство и гештальт» (см. Хайдеггер 1993: 177).

¹⁴ Арендт 2017.

¹⁵ Там же: 396.

¹⁶ Фуко 1996: 238—257.

¹⁷ Жижек 2002: 104.

¹⁸ Арендт 2014а: 30.

¹⁹ Комарофф 2021: 7.

Другим направлением, во многом предвосхитившим биополитические изыскания Фуко, явились исследования Арендт¹², которая с опорой на размышления Мартина Хайдеггера (а через него косвенным образом и на Эрнста Юнгера¹³) проанализировала процесс превращения «человека работающего» (*homo laborans*), а вместе с ним и биологической жизни, в центральную фигуру современной политики¹⁴. В работе «*Vita Activa*, или О деятельной жизни» Арендт констатировала возросшую озабоченность нововременного общества потенциально непреходящим жизненным процессом человеческого рода, превратившимся в единственный абсолют¹⁵. Фуко связал эту озабоченность жизнью с рождением политики Нового времени — биополитики¹⁶. Однако биополитическая референция не получила в представленном Арендт анализе тоталитаризма рефлексивной экспликации: сведение человеческого существования к системе физиологических импульсов и реакций в концлагерях трактуется ею как результат действия тоталитарной власти, но при этом упускается из виду, что тоталитарные практики господства стали возможными именно тогда, когда политика трансформировалась в биополитику, а человек — в носителя биологической жизни. Поэтому между «трудящимся животным» (*animal laborans*) тоталитарного общества и современным гедонистом-потребителем общества либерально-демократического нет принципиальной разницы — это две стороны одного и того же явления. Капиталистический потребительский рай и тоталитарный концлагерь — два лика биополитики, «человеческий» и «нечеловеческий»¹⁷. С этой точки зрения можно говорить о двух биополитических революциях: субъектом первой стал «человек трудящийся», субъектом второй — «человек потребляющий». Иными словами, на смену обществу массового производства пришло общество массового потребления. Как только сущность человека была отождествлена с трудом (Карл Маркс), так сразу же возник детерминизм, в соответствии с которым эмансипация «человека работающего» (от необходимости трудиться) приводит в конце концов к превращению его в праздное животное, обладающее почти неограниченным досугом в постисторическом «царстве свободы»¹⁸. «Во всем мире, по мере того как национальные государства отходят от регулирования производственных процессов, — пишет по этому поводу Джин Комарофф, — политический субъект определяется не столько как патриотичный производитель, *homo faber* (курсив автора — А.Я. и Д.П.), сколько как потребитель услуг; от государства, в свою очередь, ожидается, что оно будет контролировать предоставление услуг, безопасность и здоровые условия беспрепятственной торговли. С эрозией, если не стиранием, социальных категорий, укорененных в нации, территории и классе, идентичность все чаще связывается только с индивидуальными телами — телами, определяемыми как объект биологической природы и субъект превращенного в товар желания»¹⁹.

Тем не менее потребовалась серия более поздних по времени исследований Фуко, чтобы предметная область биополитики приобрела

четкие границы и сформировался оригинальный биополитический дискурс, обладающий значительным эвристическим потенциалом. Согласно Фуко, новая государственная рациональность, зародившаяся в XVI столетии и ощутимо заявившая о себе на рубеже XVII—XVIII вв., рассматривает государственный интерес исключительно под углом зрения сохранения самого государства и непрерывного возрастания его мощи. Государство теперь трактуется как автономная инстанция, существующая сама по себе и не нуждающаяся ни в какой легитимации и юридической рефлексии²⁰. Одним из следствий данного поворота становится изменение статуса человека в государстве, который начинает восприниматься не столько в качестве субъекта права, сколько в качестве просто живого существа, способного служить средством укрепления и усиления государства. И поскольку мощь государства прямо зависит от жизни индивидов, оно берет на себя заботу об их благополучии. Представ в облике «фермы людей», государство обращается к поиску оптимальных решений в сфере управления количеством и качеством населения, последовательно проникая во все уголки жизни. На первый план отныне выходит не легитимность управленческих действий, а их успешность и эффективность, слагаемая из рационализма, техницизма и приоритета исполнительной власти.

²⁰ Фуко 2011: 313—314.

Радикально новым в возникшей системе государственного управления явилось то, что центральное положение в политике, ставшей биополитикой, заняла связка Власть—Население (осуществление политического суверенитета над территорией сменилось осуществлением политического суверенитета над населением). Власть осознала, что население — основной капитал и резервуар энергии для ее собственных амбициозных проектов. «Восстание масс» было сотворено искусственно — как необходимый ресурс, позволяющий сформировать экономику нового типа, а вместе с ней и новое, невиданное ранее общество. Мощь, процветание и престиж государства — плоды государственного инвестирования в население. Беспрецедентный разворот (био)власти в сторону населения породил (и в этом в том числе революционность ситуации) принципиально новую систему прямой и обратной связи между ними. Ведь, как совершенно верно отмечает Никлас Луман, «возрастающие взаимозависимости умножают политически не контролируемые источники общественной власти»²¹. Последовательное усиление биовласти за счет инвестиций в жизнь населения со временем закономерно привело к усилению власти самого населения. «Человеческий материал» («биокапитал»), необходимый для реализации грандиозных хозяйственных проектов и военных авантюр, претерпев серию радикальных преобразований, перестал быть косной аристотелевской материей и начал политически оформляться, потребовав возмещения за приложенные усилия. С одной стороны, разогнавшаяся машина мировой экономики нуждалась в топливе, а это предполагало обильные вложения в основной ресурс — людей, с другой стороны, нельзя было иг-

²¹ Луман 2001: 144.

норировать растущий интерес к революционным движениям. Соблазняя и стимулируя, биовласть открывала возможности и шла на уступки, создавая такой общественный договор, который все больше связывал ее обязательствами. И если рождение биополитики есть революция в области государственного управления, то в этой революции присутствуют семена контрреволюции, или революции второго порядка.

Биополитика на марше

Новая технология управленчества оказалась весьма продуктивной. Масштабы интервенции в жизнь населения со временем нарастали. Инвестиции в создаваемые системы здравоохранения, психиатрической помощи, санитарной службы, профессионального обучения окупались. Национальное государство как выражение биополитической модели управления отказалось от наемничества в пользу армии, основанной на всеобщей воинской повинности, организовало предложение в ответ на спрос на рынке труда в ходе осуществления промышленной революции, мобилизовало часть населения для колониальной экспансии. Успех национального государства под эгидой биовласти обусловлен тем, что в рамках нового общественного договора жизненно важное для него в погоне за мощью, богатством и престижем «изъятие» ресурсов и энергии предстало как обоюдовыгодная сделка — государство более не отнимает, как «кочующий бандит»²², а берет лишь то, что необходимо для коллективной безопасности, процветания и развития, в которых свою долю имеет и население. Государство превратилось в инстанцию, заботящуюся о населении, и, более того, медленно, но неуклонно стало двигаться от «ограниченного доступа», присущего естественным государствам, к «доступу открытому»²³ — возможности полноценного и гарантированного участия в экономической и политической жизни²⁴. Выгодоприобретателем становился каждый, кто по факту своего рождения (natio) являлся частью нации с правами гражданина²⁵. Воплощая в себе компромисс между принуждением, олицетворяемым властью, и капиталом, за которым стоят предприниматели, национальное государство предстало в облике своеобразного акционерного общества, платой за членство в котором выступала энергия биологической жизни индивида. Процесс инклюзии индивидов в проекты биовласти в обмен на долю в конечной прибыли приобрел форму бесконечной позиционной борьбы, приучив население оценивать собственные перспективы и утвердив рациональный дискурс калькуляции выгод и потерь в духе бентамовского утилитаризма в масштабах биополитического государства. Расцветом биополитического регулирования можно считать развертывание социального государства как той ренты, которую получило население от интервенции власти в его жизнь. Конечно, альтруизм биовласти не стоит преувеличивать, но noblesse oblige — ради возможных предпочтений определенную часть контрактных обязательств все-таки надо выполнять.

²² Олсон 2012: 33—34

²³ Норт, Уоллис и Вайнгаст 2011: 69.

²⁴ Речь идет о двойственности биополитики как политического «включающего исключения» (Джорджо Агамбен), развивающейся по пути инклюзии индивидов в экономические и правовые процессы в качестве субъектов интереса и права (Фуко 2010) и вместе с тем стремящейся к их тотальной эксклюзии в качестве чисто биологического «молчаливого большинства» (население как одновременно «объект государственного принуждения» и «субъект проектов демократической эмансипации» — Комарофф 2021: 18).

²⁵ Агамбен 2015: 29.

Новые возможности обеспечили условия для социального конструирования и даже социального эксперимента. Непосредственной формой экспериментирования с биологической жизнью человека, основного объекта воздействия биовласти, стала евгеника. Интервенция евгенических построений в политическую сферу²⁶ создала политический климат мистификаций и домыслов, благоприятный для нездоровых идей и концептов. Оказалось, что, мифологизируя сознание и нагнетая экзальтацию той или иной части населения (класса, этноса), биовласть способна усилить уровень «экстрактивности» в изъятии ресурсов и энергии и задаться целями перманентной революции (Лев Троцкий) либо перманентной селекции, которая никогда не должна останавливаться²⁷. Национальное государство в таком случае может принять облик нацистского, фашистского, пролетарского. Биополитика распадается на различные проекты, в которых по-разному трактуются целостность населения и степень применения насилия. Конфирмантропная (человекоутверждающая) биополитика по преимуществу рассматривает население как однородное, а насилие воспринимает как крайность, в то время как негантропная (человекоотрицающая) дифференцирует индивидов, выделяя определенные их категории в качестве объектов применения системного насилия. Если конфирмантропная модель развивается в русле изначального тренда взаимных, хотя и асимметричных обязательств власти и населения, то негантропная разрывает общественный договор, по крайней мере в отношении некоторых групп. Последнюю модель можно расценивать как регрессию, редукцию к примитивным формам подавления, вместе с тем тоже имеющим выраженную биологическую составляющую.

Негантропная биовласть, в пределе принимающая форму некровласти (Ахилле Мбембе) или танатополитики (Фуко), частично либо полностью воспроизводит социум в виде «человеиника» (Александр Зиновьев) — этакое подобия колонии муравьев или термитов, где общественные функции строго распределены в рамках кастовой дифференциации особей²⁸. Негантропная биополитика утрачивает пластичность, превращаясь в систему ригидных практик стимулирования через насилие, выжимающего из той или иной части населения жизненные ресурсы во имя реализации идеологически заданных целей.

Вторая мировая война завершилась крушением одного из самых зловещих некрополитических (даже некрофильских, памятуя о соответствующих исследованиях Эриха Фромма²⁹) режимов. Послевоенное развитие привело к тому, что основными бенефициарами в экономике и политике оказались конфирмантропные биополитические системы, ориентированные на «открытый доступ». Тренд инклюзии населения в экономическое и политическое пространство в очагах «конфирмантропии» сохранился, связка Власть—Население упрочилась. Впрочем, негантропная биополитика никуда не делась, сохранив свое значение прежде всего на мировой периферии.

²⁶ Так, противопоставляя большевизм и биологию, Теодор Лотроп Стоддард выдвинул евгеническую программу формирования класса неоаристократии, призванной бороться с вырождением и бунтом против цивилизации тех сил, которые выступают политическим крылом вырождения (Стоддард 2016: 213—238). Стоит отметить, что именно Стоддард ввел понятие *undertan* («недо-человек»), воспринятое нацистами (*Untermensch*).

²⁷ Арндт 1996: 511.

²⁸ Матурана и Варела 2019: 222—226.

²⁹ См., напр. Фромм 1994.

Биополитический кризис

Холодная война, в которую вступили бывшие союзники по антигитлеровской коалиции, явилась причиной трансформации биовласти по обе линии фронта. И социализм, и капитализм стремились показать миру свое «человеческое лицо». Конкуренция альтернативных социально-экономических укладов на международной арене со временем привела как к упразднению одиозных практик в СССР, так и к многочисленным шагам в сторону «открытого доступа» в странах развитого капитализма. Пожалуй, наиболее выпукло «очеловечивание» биополитических режимов с противоположными символами веры выглядело на главном плацдарме холодной войны — в Европе. Жан Фурастье непосредственно связывал «славное тридцатилетие» (термин, введенный им для обозначения периода с 1946 по 1975 г.) с противостоянием капиталистической и социалистической систем³⁰. Общество всеобщего благосостояния конструировалось как реальная альтернатива советскому биополитическому эксперименту, симпатии к которому испытывала немалая часть населения западного мира. Парадоксально, но расцвету капитализма сопутствовала все более острая его критика³¹. Уступки биовласти населению воспринимались как должное, каждое новое завоевание социальных гарантий виделось как нечто закономерное, а отнюдь не результат вынужденного отступления власти в ходе «большой биополитической игры». Население и Западной, и Восточной Европы — форпостов противоборствовавших социально-экономических систем — оказалось бенефициаром непростых лет послевоенного восстановления. Впоследствии большой запас прочности рыночной системы, обусловивший ее перевес над СССР и его союзниками по социалистическому лагерю, привел к стремительному демонтажу большинства прокоммунистических режимов, преждевременному провозглашению «конца истории»³² — и частичному отказу от социальных программ на Западе.

³⁰ Fourastié 2014.³¹ Болтански и Кьяпелло 2011.³² Фукуяма 1992.³³ Пикетти 2015; Стиглиц 2015.³⁴ Арендт 2014b: 66.

Наметился откат к более прагматичному отношению биовласти к населению³³, однако просто так отказаться от заданных высоких стандартов и ориентации на провозглашенный «открытый доступ» было невозможно. Необходимость соблюдения норм и правил сложившегося социального контракта усилила власть населения. Возникла ситуация, при которой биовласть и население предстали как два полюса власти, имеющие свои права и обязанности. Как отмечала по этому поводу Арендт, «власть и насилие противоположны; абсолютное владычество одного из членов этой пары означает отсутствие другого. Насилие появляется там, где власть оказывается под угрозой, но, предоставленное собственному ходу, оно приводит к исчезновению власти»³⁴. В рамках данной модели (в которой чем меньше насилия, тем больше власти, и наоборот) возврат к арсеналу грубого насилия был равнозначен коллапсу мироустройства. Конфирмантропность послевоенной биополитики установила двоевластие, до определенной степени уравновесив власть Власти и власть Населения. Голоса неучтенных и доля обездоленных

³⁵ Рансьер 2006: 204.

все еще воспринимаются как сигналы³⁵, несмотря на возрастающее искушение их игнорировать.

Представляется, что все это чревато трудными временами для биовласти, порождая ситуацию биополитического кризиса. Непреднамеренным долгосрочным последствием длительного пути по инклюзии населения в экономику и политику в интересах власти стала тенденция к убыванию продуктивности для власти ее собственных инвестиций в население в рамках сложившегося «инвестиционного климата». Связка Власть—Население все-таки выстраивалась как асимметричная, биовласть мыслилась как основной выгодополучатель. Инвестиции были оправданы отдачей от них, однако положение дел кардинально изменилось — инвестирование в здравоохранение, образование, охрану труда, пенсионное обеспечение и т.п. возрастает, а отдача от населения, потребляющего плоды многочисленных социальных программ, сокращается. Притязания же населения и его требования к власти неуклонно растут. Современные технологии позволяют странам-лидерам входить в «Клуб 80+», воспроизводство населения, в том числе в рамках программ его стабилизации, находится на нулевом либо отрицательном уровне, увеличение количества населения не приветствуется ввиду все больших демографических и экологических издержек и рисков. Издержки от перепроизводства специалистов в виде пособий по безработице тоже значительны. Новейшие технологии задают предел спросу на трудовые ресурсы: в условиях четвертой промышленной революции³⁶, основанной на искусственном интеллекте, робототехнике, достижениях нано-, био- и когнитивных технологий, может сложиться самая совершенная за всю историю человечества экономика — экономика без людей. На смену пролетаризации приходит прекариатизация³⁷, стремительно тает средний класс. Биовласть все меньше заинтересована в инклюзии населения в свои проекты. Из демонстрации заботы власти о населении, призванной обеспечивать его лояльность, социальное государства стало нормой — и превратилось в обузу.

³⁶ Шваб 2016: 11—12.

³⁷ Стэндинг 2014: 19.

Все это означает, что сложившиеся тренды в области конфирмантропной биополитики, скорее всего, подлежат ревизии. Задачи, вызвавшие к жизни «заботу о населении», оказываются либо чрезмерными, либо не актуальными для современного государства. Для последовательной и неуклонной реализации программ социального обеспечения населения хотя бы на нынешнем, уже достаточно высоком уровне нужны политическая воля, ответственность и технологический рывок. Ожидать подобного альтруизма от биовласти, ранее требовавшей альтруистической реакции от населения, наивно (или, по меньшей мере, преждевременно).

Ставки в «большой биополитической игре» чрезвычайно высоки. Сталкиваясь с нарастающим давлением вечно неудовлетворенного достигнутой мерой благополучия населения, власть может предпочесть бесконечному поиску компромисса радикальный отказ от изжившей себя стратегии, разрубив «гордиев узел» притязаний вошедшей во вкус

публики конструированием нового мирового порядка, в котором эти притязания будут просто неуместны. Тот же технологический рывок может сыграть отнюдь не на стороне населения.

**Биополитическая
революция
сегодня:
шаг вперед
или назад?**

Итак, парадоксальным образом золотой век биополитики оборачивается ее закатом, который может стать предвестником свертывания этой формы властного вмешательства в жизнь людей. Если в XVIII—XX вв. биополитика процветала, устанавливая циклическую взаимосвязь между интересами государства и частными интересами граждан, то в XXI в. она — дорогостоящий проект на пределе сил и возможностей государства.

Ключ к пониманию сложившейся ситуации дает этимология слова «революция». Как известно, «позднелатинское *revolutio* произошло от глагола *revolvere*, означавшего „возвращаться“, „превращаться“, „откапываться“. То есть термин *revolutio* первоначально означал циклическое движение, возвращение к первоначальной точке, на круги своя»³⁸. Революция — граница между двумя зонами социального бытия. Она — завершение цикла и начало нового. В ней — предел одного порядка вещей и начало другого. И в ней же — контрреволюция и собственная гибель.

Тем любопытнее то обострение, свидетелем которому стало человечество в период пандемии COVID-19 и активизации движения Black Lives Matter в 2020 г. В режиме биополитической революции потребитель, продукт современной биополитики с ее соблазнами, посулами и предпочтениями, потребовал от власти еще большего служения, еще большей заботы. Власть ответила сдержанно. Деятельность «сквоттеров» (*squatters*) и «лутеров» (*looters*), рьяно взявшихся за расширение своих прав и возможностей «здесь и сейчас», не вызвала решительного противодействия. Заинтересованное в сохранении собственности население встретило вспышку *bellum omnium contra omnes* с оружием в руках. Зоны, провозглашенные свободными от гнета власти, самораспались в турбулентности архаического насилия, волны биополитического восстания потребителей под противоречивыми лозунгами ради счастливого («здесь-сейчас-и-навсегда») бытия схлынули, но проблема осталась. Верхи не могут, а низы хотят гораздо большего, нежели имеют на сегодняшний день, — вот кредо несостоявшейся биополитической революции XXI в. За всплеском 2020 г. последуют и другие: «Согласно прогнозам, мир захлестнет волна протестов, поскольку экономический шок от пандемии наряду с существующими недовольствами неизбежно приведет к широкомасштабным общественным волнениям»³⁹. Люди будут возмущенно требовать еще больших благ, еще большего попечения. По всей видимости, политическая самоидентификация широких масс будет все больше определяться дискурсом компенсации, убеждением в том, что общество или кто-то еще должны им просто потому, что они есть⁴⁰. Это укладывается в общий тренд отношений Власть—Население в рамках конфирмантропного консенсуса, некогда достигнутого

³⁸ Соловей 2016: 19.

³⁹ McVeigh 2020.

⁴⁰ Фишман,
Мартыанов
и Давыдов 2019:
294.

в развитых странах. Вот только куда приведет набирающая силу тенденция? Вперед, к универсальному базовому доходу, универсальным базовым услугам, безудержному потреблению? Или назад — к потере завоеваний, достигнутых в ходе долгого совместного движения власти и населения от выживания последнего к комфорту и даже процветанию? Биополитическая революция вполне может стать причиной биополитической контрреволюции сверху, инициированной вооруженной современными технологиями технократией.

Биополитическую революцию в XXI в. осуществляет не политический субъект, а участники биополитического перформанса, тяготеющие к полюсу *animal laborans* (Арендт) и *homo animalis* (Агамбен). Легкость перехода от митинга к «лутингу»⁴¹ подготовлена забвением политики и опытом действий в ходе сезонов распродаж в «черные пятницы» перед Рождеством. С поправкой на консьюмеризм этот мотив — недовольство *animal laborans* / *homo animalis* уровнем потребления и перспективами его роста — можно рассматривать как драйвер биополитической революции снизу.

Биополитическая революция — двойственный по своей природе феномен. Это революция и контрреволюция одновременно. Революционным является требование «хлеба и зрелищ!» — еще большего потребления, еще большей заботы (в форме универсального базового дохода, универсальных базовых услуг, репараций за дискриминацию и т.п.); контрреволюционным — требование возврата к былому уровню потребления. И то, и другое — сигналы, которые власть должна считывать на фоне шума повседневных событий. Сигнал второго типа — индикатор того, что власть Власти в обществе существенно превзошла власть Населения и необходимы специальные меры, направленные на преодоление возникшего дисбаланса и сокращения возможностей населения. Сигнал первого типа гораздо опасней. Он — свидетельство революции ожиданий. Население вошло во вкус потребления и желает большего. Меньше работы, больше досуга и развлечений — больше заботы от власти, которая воспринимается как обслуживающий персонал. Это индикатор того, что власть Населения превосходит власть Власти. Данный сигнал подлинно революционный и угрожает сложившемуся биополитическому миропорядку. Настойчивая субверсивная активность с целью подчинить биовласть населению — вещь абсурдная в силу свойств самой биовласти. Что может означать низложение биовласти? Возвращение к суверенной власти с ее правом «заставить умереть или позволить жить»⁴²? Некрополитику с ее способностью диктовать, «кто может жить и кто должен умереть»⁴³? Или какой-то новый формат «заставить жить и позволить умереть»⁴⁴ в порядке самоорганизации, труда и кооперации?

Для того чтобы на горизонте появилась реальная политическая альтернатива, необходима реполитизация той политики, которая в качестве биополитики сводит человеческую свободу к объективным механизмам естественной жизни, представленной в обществе стихийным

⁴¹ От англ. *loot* — мародерствовать.

⁴² Фуко 2005: 255.

⁴³ Mbembe 2003: 12.

⁴⁴ Фуко 2005: 253.

⁴⁵ Жижек 2021:
66–67.

взаимодействием рыночных сил, обеспечиваемых и гарантируемых государством⁴⁵. Вместе с тем тоталитарные образы биовласти применяются как средства шантажа, подразумеваемого упорным повторением упрощенной оппозиции тоталитаризма и демократии: идеологическое использование понятия тоталитаризма функционирует как предостережение, которое фактически задействует призрак возможного возрождения тоталитарных режимов для подрыва любой радикальной политической альтернативы либерально-демократическому капитализму. Так, даже введение карантинных ограничений в связи с пандемией COVID-19 было воспринято населением и общественностью как атака на гражданские и политические права и свободы (а по факту — на свободу безудержно развлекаться, отдыхать и потреблять), возвращение к чрезвычайному насилию абсолютной суверенной власти⁴⁶.

⁴⁶ Agamben 2020.

Биополитическая революция провоцирует социальные потрясения, формирует новые критерии социальной дифференциации, запуская процесс негантропной биополитики и уничтожая достижения биополитики конфирмантропной, сложившиеся благодаря компромиссам, уступкам биовласти и случаю. Биополитическая революция реакционна; она одновременно является и контрреволюцией, обращенной к структурам власти, характерным для добиополитического государства. Такая биополитическая «перманентная революция» оказывается в действительности *антитезой* революции как политического события, исключающей альтернативность посредством деполитизации политической жизни⁴⁷. Экспроприруя и интернализируя революцию, биополитическое общество становится имманентно революционным, тем самым нейтрализуя подлинную политическую событийность.

⁴⁷ Капустин 2010:
136.

Библиография

- Агамбен Дж. (2015) *Средства без цели: Заметки о политике*. М.: Гилея.
- Арендт Х. (1996) *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом.
- Арендт Х. (2011) *О революции*. М.: Европа. URL: http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D0%B0%D1%80%D0%B5_1.pdf (проверено 22.10.2021).
- Арендт Х. (2014а) *Между прошлым и будущим: Восемь упражнений в политической мысли*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Арендт Х. (2014б) *О насилии*. М.: Новое издательство.
- Арендт Х. (2017) *Vita Activa, или О деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Болтански Л. и Э.Кьяпелло. (2011) *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение.
- Жижек С. (2002) *Добро пожаловать в пустыню Реального!* М.: Фонд «Прагматика культуры».
- Жижек С. (2021) «Воля к незнанию» // *Логос*, № 2: 63–78. URL: <https://logosjournal.ru/upload/iblock/aa2/Logos%202-2021-69-84.pdf> (проверено 22.10.2021).

Капустин Б. (2010) *Критика политической философии: Избранные эссе*. М.: Территория будущего. URL: <https://ecsosman.hse.ru/data/2010/03/05/1211344593/Kapustin.pdf> (проверено 22.10.2021).

Комарофф Д. (2021) «По ту сторону голой жизни: СПИД, (био)политика и неолиберальный порядок» // *Логос*, № 1: 3–34. URL: <https://logosjournal.ru/upload/iblock/fcd/Logos%201-2021-9-40.pdf> (проверено 22.10.2021).

Луман Н. (2001) *Власть*. М.: Праксис. URL: <https://iphras.ru/uplfile/soserp/macht.pdf> (проверено 22.10.2021).

Матурана У. и Ф.Варела. (2019) *Древо познания: Биологические корни человеческого понимания*. М.: УРСС; ЛЕНАНД.

Норт Д., Д.Уоллис и Б.Вайнгафт. (2011) *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во Института Гайдара. URL: <https://nsu.ru/filf/rpha/lib/north-violence.pdf> (проверено 22.10.2021).

Олсон М. (2012) *Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры*. М.: Новое издательство.

Пикетти Т. (2015) *Капитал в XXI веке*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Рансьер Ж. (2006) *На краю политического*. М.: Праксис.

Соловей В. (2016) *Революция! Основы революционной борьбы в современную эпоху*. М.: Эксмо.

Стиглиц Дж. (2015) *Цена неравенства: Чем расслоение общества грозит нашему будущему*. М.: Эксмо.

Стоддарт Л. (2016) *Бунт против цивилизации*. М.: Белые альвы.

Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс. URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2016/05/prekariat-povuj-orasnuj-klass.pdf> (проверено 22.10.2021).

Тилли Ч. (2009) *Принуждение, капитал и европейские государства: 990–1992 гг.* М.: Территория будущего. URL: https://socioline.ru/files/5/316/tilli_3.pdf (проверено 22.10.2021).

Хайдеггер М. (1993) «Преодоление метафизики» // Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика: 177–191. URL: https://imwerden.de/pdf/heidegger_vremya_i_bytie_1993.pdf (проверено 22.10.2021).

Фишман Л.Г., В.С.Мартьянов и Д.А.Давыдов. (2019) *Рентное общество: В тени труда, капитала и демократии*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Фромм Э. (1994) *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика.

Фуко М. (1996) *Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности*. М.: Касталь.

Фуко М. (2005) *Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году*. СПб.: Наука. URL: http://studies.in.ua/pravo/soc_meh/Fuko_M_-_Nuzhno_zaschischat_obschestvo.pdf (проверено 20.02.2022).

Фуко М. (2010) *Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году*. СПб.: Наука.

Фуко М. (2011) *Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году*. СПб.: Наука.

Шваб К. (2016) *Четвертая промышленная революция*. М.: Эксмо. URL: http://ncrao.rsvpu.ru/sites/default/files/library/k._shvab_chetvertaya_promyshlennaya_revoluciya_2016.pdf (проверено 20.02.2022).

Agamben G. (2020) «The State of Exception Provoked by an Unmotivated Emergency» // *Positions Politics*, 26.02. URL: <http://positionswebsite.org/giorgio-agamben-the-state-of-exception-provoked-by-an-unmotivated-emergency/> (accessed on 22.10.2021).

Duarte A. (2006) «Biopolitics and the Dissemination of Violence: the Arendtian Critique of the Present» // Arendt H. *Critical Assessments of Leading Political Philosophers*. London: Routledge: 408—423.

Esposito R. (2008) *Bios: Biopolitics and Philosophy*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press.

Fourastié J. (2014) *Les Trente Glorieuses, ou la révolution invisible de 1946 à 1975*. Paris: Fayard.

Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press.

Kjellen R. (1920) *Grundriss zu einem System der Politik*. Leipzig: Kurt Vowinckel Verlag.

Kjellen R. (2018) *Der Staat als Lebensform*. London: Forgotten Books.

Mbembe A. (2003) «Necropolitics» // *Public Culture*, vol. 15, no. 1: 11—40. URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/postgraduate/masters/modules/postcol_theory/mbembe_22necropolitics22.pdf (accessed on 20.02.2022).

McVeigh K. (2020) *Protests Predicted to Surge Globally as Covid-19 Drives Unrest*. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2020/jul/17/protests-predicted-to-surge-globally-as-covid-19-drives-unrest> (accessed on 22.10.2021).

политика

A.V.Yarkeev, D.V.Popov
BIOPOLITICAL REVOLUTION:
PRO ET CONTRA

Aleksey V. Yarkeev — Doctor of Philosophy; Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: alex_yarkeev@mail.ru.

Dmitry V. Popov — Ph.D. in Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Political Science, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Email: DmitriVPopov@mail.ru.

Abstract. The establishment of the biopolitical paradigm of state governance, which views its main task in the implementation of ambitious socio-economic and military-political projects in close connection with the control over individuals and even care for their living, has produced a fundamentally new type of social contract that puts the authorities and the population who they patronize into mutual dependence. The balance of interests manifests itself in the form of a welfare state that embodies the positive side of biopolitical governance and provides the public with numerous benefits associated with the admission to participation in the economic and political life.

Based on the analysis of the processes unfolding in the recent years, the authors come to the conclusion that the consensus reached during the “great biopolitical game” is not unshakable. The long journey to include the population into the economy and politics in the interests of the authorities resulted in an unintended long-term consequence for the latter — a progressive decline in the productivity of the investment into the population within the established status quo. The effectiveness of such investments is almost exhausted. The growing demands of the population, who expects greater care from the authorities, reflect the trend towards a consumer revolution from below. However, these demands may turn out to be overwhelming for the biopower that could in the blink of an eye reverse the costly policy that stopped being beneficial, which creates a tendency towards the counter-revolution from above. Against this background, the authorities could regress to the forms of government that deny the people the living standards that they became used to.

Keywords: biopower, biopolitics, revolution, counter-revolution, population, state, violence

References

Agamben G. (2015) *Sredstva bez tseli: Zametki o politike* [Mezzi senza fine: Note sulla politica]. Moscow: Gileja. (In Russ.)

Agamben G. (2020) “The State of Exception Provoked by an Unmotivated Emergency” // *Positions Politics*, 26.02. URL: <http://positionswebsite.org/giorgio-agamben-the-state-of-exception-provoked-by-an-unmotivated-emergency/> (accessed on 22.10.2021).

Arendt H. (1996) *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Moscow: TsentrKom. (In Russ.)

Arendt H. (2011) *O revoljutsii* [On Revolution]. Moscow: Evropa. URL: http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D0%B0%D1%80%D0%B5_1.pdf (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)

Arendt H. (2014a) *Mezhdu proshlym i budushchim: Vosem' uprazhnenij v politicheskoy mysli* [Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Arendt H. (2014b) *O nasilii* [On Violence]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)

Arendt H. (2017) *Vita Activa, ili O dejatelnoj zhizni* [The Human Condition]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Boltanski L. and E. Chiapello. (2011) *Novyj dukh kapitalizma* [Le nouvel esprit du capitalisme]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Comaroff J. (2021) “Po tu storonu goloj zhizni: SPID, (bio)politika i neoliberal'nyj porjadok” [Beyond Bare Life: AIDS, (Bio)Politics, and the Neoliberal Order] // *Logos*, no. 1: 3–34. URL: <https://logosjournal.ru/upload/iblock/fcd/Logos%201-2021-9-40.pdf> (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)

Duarte A. (2006) “Biopolitics and the Dissemination of Violence: the Arendtian Critique of the Present” // Arendt H. *Critical Assessments of Leading Political Philosophers*. London: Routledge: 408–423.

Esposito R. (2008) *Bios: Biopolitics and Philosophy*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press.

Fishman L.G., V.S. Martianov, and D.A. Davydov. (2019) *Rentnoe obshchestvo: V teni truda, kapitala i demokratii* [Rental Society: In the Shadow of Capital, Labor and Democracy]. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Foucault M. (1996) *Volja k istine: Po tu storony znanija, vlasti i seksual'nosti* [La volonté de savoir]. Moscow: Kastal'. (In Russ.)

Foucault M. (2005) *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: Kurs leksij, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [Il faut défendre la société: Cours au Collège de France (1975–1976)]. St Petersburg: Nauka. URL: http://studies.in.ua/pravo/soc_meh/Fuko_M_-_Nuzhno_zashchishchat_obschestvo.pdf (accessed on 20.02.2022). (In Russ.)

Foucault M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki: Kurs leksij, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [Naissance de la biopolitique: Cours au Collège de France (1978–1979)]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Foucault M. (2011) *Bezopasnost', territorija, naselenie: Kurs leksij, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Sécurité, territoire, population: Cours au Collège de France (1977–1978)]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Fourastié J. (2014) *Les Trente Glorieuses, ou la révolution invisible de 1946 à 1975*. Paris: Fayard.

Fromm E. (1994) *Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti* [Anatomie der menschlichen Destruktivität]. Moscow: Respublika. (In Russ.)

Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press.

Heidegger M. (1993) “Preodolenie metafiziki” [Überwindung der Metaphysik] // Heidegger M. *Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika: 177–191. URL: https://imwerden.de/pdf/heidegger_vremya_i_bytie_1993.pdf (accessed on 22.10.2021).

Kapustin B. (2010) *Kritika politicheskoi filosofii: Izbrannye esse* [Critique of Political Philosophy: Selected Essays]. Moscow: Territorija budushchego. URL: <https://ecsocman.hse.ru/data/2010/03/05/1211344593/Kapustin.pdf> (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)

Kjellen R. (1920) *Grundriss zu einem System der Politik*. Leipzig: Kurt Vowinckel Verlag.

Kjellen R. (2018) *Der Staat als Lebensform*. London: Forgotten Books.

Luhmann N. (2001) *Vlast'* [Macht]. Moscow: Praxis. URL: <https://iphras.ru/uplfile/socep/macht.pdf> (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)

Maturana H. and F.Varela. (2019) *Drevo poznanija: Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimanija* [El árbol del conocimiento: Las bases biológicas del entendimiento humano]. Moscow: URSS; LENAND. (In Russ.)

Mbembe A. (2003) “Necropolitics” // *Public Culture*, vol. 15, no. 1: 11–40. URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/postgraduate/masters/modules/postcol_theory/mbembe_22necropolitics22.pdf (accessed on 20.02.2022).

McVeigh K. (2020) *Protests Predicted to Surge Globally as Covid-19 Drives Unrest*. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2020/jul/17/protests-predicted-to-surge-globally-as-covid-19-drives-unrest> (accessed on 22.10.2021).

North D., J.Wallis, and B.Weingast. (2011) *Nasilie i sotsial'nye porjadki: Kontseptual'nye ramki dlja interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. URL: <https://nsu.ru/filf/rpha/lib/north-violence.pdf> (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)

Olson M. (2012) *Vlast' i protsvetanie: Pererastaja kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury* [Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)

Piketty T. (2015) *Kapital v 21 veke* [Le Capital au XXIe siècle]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Rancière J. (2006) *Na kraju politicheskogo* [Aux bords du politique]. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Schwab K.M. (2016) *Chetvertaja promyshlennaja revoliutsija* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Eksmo. URL: <http://ncrao.rsvpu>.

ru/sites/default/files/library/k._shvab_chetvertaya_promyshlennaya_revolyuciya_2016.pdf (accessed on 20.02.2022). (In Russ.)

Solovey V. (2016) *Revoljution! Osnovy revoljutsionnoj bor'by v sovremennuju epokhu* [Revolution! Fundamentals of the Revolutionary Struggle in the Modern Era]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)

Standing G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press. URL: <http://spkurd-yumov.ru/uploads/2016/05/prekariat-novyj-opasnyj-klass.pdf> (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)

Stiglitz J. (2015) *Tsena neravenstva: Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)

Stoddard L. (2016) *Bunt protiv tsivilizatsii* [The Revolt Against Civilization]. Moscow: Belye al'vy. (In Russ.)

Tilly Ch. (2009) *Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva: 990—1992 gg.* [Coercion, Capital, and European States, AD 990—1990]. Moscow: Territorija budushchego. URL: https://socioline.ru/files/5/316/tilli_3.pdf (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)

Žižek S. (2002) *Dobro pozhalovat' v pustynju Real'nogo!* [Welcome to the Desert of the Real: Five Essays on September 11 and Related Dates]. Moscow: Fond “Pragmatika kul'tury”. (In Russ.)

Žižek S. (2021) “Volja k neznaniju” [The Will Not to Know] // *Logos*, no. 2: 63—78. URL: <https://logosjournal.ru/upload/iblock/aa2/Logos%202-2021-69-84.pdf> (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)